

Академическая трибуна

В августе 2004 г. исполнилось 75 лет со дня рождения члена-корреспондента РАН ЮРИКА ВАРТАНОВИЧА АРУТЮНЯНА. В 1949 г. он

окончил Ереванский педагогический институт, в 1952 - аспирантуру Института истории РАН СССР. Доктор исторических наук, профессор (1964), член-корреспондент РАН (1991). Награжден орденом "Знак почета".

С 1965 по 1969 гг. Ю.В. Арутюнян работает зав. социологической лабораторией МГУ, с 1967 г. - зав. сектором, 1986 г. - зав. отделом социологии в Институте этнологии и антропологии РАН. С 2000 г. - советник РАН, с 1997 г. - член редакционной коллегии журнала "Социологические исследования".

Ю.В. Арутюнян один из зачинателей широкомасштабных историко-социологических исследований. С его именем связано утверждение двух важных и перспективных направлений, находящихся на стыке социологии, истории, этнографии, - исследование села и этносоциологические исследования современного общества. Юбиляр - инициатор организации и проведения конкретных социологических исследований российской деревни, которые с начала 1960-х и на протяжении длительного времени осуществлялись в рамках Исследовательского комитета по социологическим проблемам села Советской социологической ассоциации. Анализ затронул широкий круг вопросов - формирование современной социальной структуры села, основные этапы и тенденции его развития, социально-профессиональные и управленческие группы в сельском населении и в обществе в целом, их характеристику в разных сферах жизни (социально-экономической, семейно-бытовой, в области культуры и др.), процессы социальной мобильности. Данные исследования нашли отражение в его книгах "Историческая роль МТС и их реорганизация" (М., 1958), "Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929-1957 гг." (М., 1960), "Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны" (1-е изд.: М., 1964; 2-е изд.: М., 1970), "Опыт социологического изучения села" (М., 1968), "Социальная структура сельского населения СССР" (М., 1971).

Ю.В. Арутюнян внес существенный вклад в изучение проблем соотношения межклассовых и внутриклассовых различий; уделит особое внимание многообразию социальной структуры общества, связанной с этническими особенностями, а также различиями в экономических и географических условиях отдельных регионов страны. По программе, разработанной им, было выполнено исследование "Оптимизация социально-культурных условий развития наций". Содержание программы и методика исследования изложены в статьях 1971-1972 гг. и в книге "Этносоциология: цели, методы" (1984). В монографии "Русские. Этносоциологические очерки" (М., 1992) обобщаются материалы панельных исследований за 1970-1980 гг. в России и за ее пределами. В 1990-е гг. этностатистические результаты нового цикла исследований публикуются в книгах "Россияне: столичные жители" (1994), "Россияне: жители города и деревни" (1995), "Эстония: столичные жители" (1994). Аналогичные труды о столичных жителях Молдовы, Грузии и Узбекистана

вышли в 1995-1997 гг. В 1999 г. вышел в свет коллективный учебник "Этносоциология". Осмысление новых реалий нашло отражение в монографиях "Постсоветские нации" (2000) и "Трансформация постсоветских наций" (2003). В этносоциологических работах, отражающих взаимодействие общих социальных и собственно этнических процессов, реально вскрывается доминанта социальных параметров в национальном развитии.

Исследования под руководством Ю.Л. Арутюняна осуществлялись и за пределами бывшего СССР, в частности, в рамках межевропейской программы "Направление и тенденции культурного развития в современном обществе; взаимодействие культур" (результаты опубликованы Европейским координационным центром наук).

Редакционный Совет, редколлегия и редакция журнала искренне поздравляют Юрика Вартановича со славным юбилеем и выражают надежду, что он порадует нас новыми творческими работами и глубокими социологическими исследованиями.

© 2005 г.

Ю.В. АРУТЮНЯН

О ПОТЕНЦИАЛЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В МОСКОВСКОМ МЕГАПОЛИСЕ

АРУТЮНЯН Юрик Вартанович - член-корреспондент РАН.

Перспективы этнических групп в инонациональных средах еще далеко не осмыслены. Между тем эта проблема при интенсивности перемещения в Россию народов из других стран СНГ стала исключительно актуальной. После развала Союза ССР в динамике населения стран СНГ произошли принципиальные перемены. Если в условиях СССР там преобладал систематический приток в республики людей их коренных национальностей (например, армяне в Армении в 1926 г. составляли 47% армянского населения Союза, а в 1989 г. - уже 70%) [1], то теперь наблюдается противоположная картина. Чуть ли не впервые за все последнее столетие из некоторых бывших союзных республик стал происходить массовый отток их населения в Россию и другие государства. Это особенно заметно в странах Закавказья. Иногда становится непонятным, ради чего было обретать, как принято считать теперь, независимость, чтобы потом убежать от нее. Предоставленные самим себе новые государства СНГ от развала Союза ССР только пострадали. Никто, кроме властвующей элиты, коррупционеров и небольшой группы преуспевающих предпринимателей, от происшедших перемен ничего не выиграл ни в материальном положении, ни в связанном с ним образе жизни.

Что касается России и ее столицы, этнодемографическая ситуация здесь хотя и осложнилась, отток населения, во всяком случае, из Москвы, Петербурга и ряда других крупных городов исключен или весьма ограничен. Из этногрупп он в Москве

Статья написана по результатам исследования по гранту РГНФ № 03-03-00139а.

Изменение этнического состава Москвы

Этническая группа	1970		1989		2002	
	Абсолютн число	В %	Абсолютн число	В %	Абсолютн число	В %
Русские	6301	89,2	7962	89,7	8809	84,8
Украинцы	185	2,6	253	2,8	260	2,5
Татары	109	1,5	157	1,8	160	1,7
Евреи	252	3,5	174	2,0	79	0,8
Белорусы	50	0,7	73	0,6	62	0,6
Армяне	26	0,3	44	0,5	124	1,2
Азербайджан	5	0,07	20	0,2	93	0,9
Грузины	10	0,13	20	0,2	54	0,5

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 103; Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2000. С. 67; [8, с. 52; 2, с. 184].

реально коснулся лишь евреев, немцев и прибалтов, искавших на Западе преимуществ. Эта убыль с лихвой компенсировалась частично русскими и преимущественно народами бедствующих национальных регионов. Переписи зафиксировали рост населения Москвы с 8,97 млн. в 1989 г. до 10,36 млн. в 2002 г. [2], что при значительном снижении естественного прироста москвичей, действительно, говорило о притоке мигрантов. В результате в Москве в несколько раз выросла численность армян, азербайджанцев, грузин и увеличилась их доля в населении столицы. Насколько затруднена миграция грузин, так как безвизовое пересечение границы для них в последнее время закрыто. Тем не менее и они активно мигрировали в российскую столицу. Многие, по признанию президента Грузии Саакашвили, здесь даже "обзавелись качественным жильем, хорошей работой, отдали детей в русские школы, пережились на русских девушках и возвращаются в Грузию вроде в скором времени не собираются" [3].

В результате происшедших перемен этническая структура населения Москвы заметно преобразилась. Несмотря на интенсивный рост русских мигрантов, доля их в составе столичного населения, частично из-за низкого естественного прироста, не только не увеличилась, но и уменьшилась, а удельный вес азербайджанцев, армян и грузин заметно вырос (см. табл. 1).

Наперекор элементарной логике Москва теперь, когда перестала быть столицей многонационального Союза, заметно "полиэтнизировалась". Судя по практике некоторых других европейских государств, перспектива расширения этнической мозаичности Москвы сохраняется. Например, среди жителей Лондона и Парижа доля некоренных национальностей заметно выше - 20% и 28,5% соответственно [4]. Учитывая неизменность сокращения естественного прироста русского населения и возможности дальнейшего увеличения этнической мозаичности столицы, следует объективно оценить ситуацию и выработать разумную этнодемографическую стратегию.

Сейчас она попросту неверна. Вместо того, чтобы выйти на путь активной межэтнической идентификации и в конечном счете интеграции инонационального населения столицы, руководство страны и города скорее способствует росту не "московского", традиционного национального самосознания, стимулируя, в частности, законодательно оформленную систему национально-культурных автономий. Косвенно национальное самосознание, его активное воспитание поощряет в известной мере этнический сепаратизм. А это в перспективе, как сейчас, например, в Париже, может привести к культивированию этнической атрибутики и обособленности национальных меньшинств. Такие тенденции в нашей столице пока "дремлющие", и, если вовремя обратить

внимание на них, учитывая, в частности, европейский опыт, можно избежать осложнений и способствовать оптимизации национальных процессов. С этой точки зрения очень важно понять неоднозначность сложной структуры формально однородной этнической группы, даже, как в Москве, сосредоточенной на одной территории. В обыденном сознании, в науке и национальной политике у нас продолжают сохраняться стереотипные представления об этносах. Но этнос - это слишком общее отвлеченное понятие, которое не дает никакого представления о внутренней дифференциации этногрупп, подчас объединенных внешне лишь своим названием. В реальной действительности такого интегрированного организма, как этнос, во многих случаях вообще уже давно нет. Пора осознать, что любая столичная этническая микрогруппа может быть внутренне сильно дифференцирована не только социально, но и этнически. По существу, в каждой из них очевидна поляризация лишь формально родственно общих этнообразований. Различия внутри них могут быть настолько существенны, что говорить о единых этнических группах, тем более директивно учрежденных центром национально-культурных автономий, нет никакого основания.

Не случайно уже относительно давно в литературе дифференцировалась этноструктура (этнообразование) понятиями "нация" (как этнос только в пределах своего государства) и "национальность" - этнос не столько у "себя", сколько за "своими" этногосударственными пределами) [5]. Но эти понятия и раньше, и тем более сейчас совершенно недостаточны. Ведь в масштабах не только государства, но и отдельных территориальных локальностей, этническая группа может быть настолько глубоко дифференцирована, что воспринимать ее как целое даже в самых узких рамках, например, в городских, не просто ошибочно, но и вредно, так как она многообразна, а каждый "образ" требует своего понимания и своего подхода при восприятии и тем более регулировании. В этнических характеристиках *между однотипными группами разных этносов может быть гораздо больше общего, чем внутри каждого из них.*

Если взять московские этногруппы, то почти любая из них внутренне дифференцирована не только социально, - например, в диапазоне от "люмпена", криминальных образований до творческой интеллигенции, предпринимателей, административно-управленческих групп, но и по *континууму этническому* - от, образно выражаясь, представительства в "плавильном котле", затем "салате" (винегрете) и до сугубо "закрытого" этнического образования. Последнее в современном мире, тем более в условиях столичного мегаполиса, к примеру, даже для цыган скорее возможно лишь теоретически. А два других образа - "плавильного котла" и "салата" - вполне реальны, и модное теперь отрицание "плавильного котла" не имеет оснований, как не имела оснований в прошлом его абсолютизация в США. Жизнь многообразна не только в пределах одного государства, но и в пределах локальных образований, где возможно разное проявление этнического.

Конечно, весьма существенно выявить доминанты тех или других явлений, преобладающее направление перемен. В данном случае именно эта задача в центре нашего внимания, когда мы, опираясь на конкретные материалы исследования, пробуем оценить меру единства и различий выделенных этногрупп в московской среде. В этом плане Москва как столичный центр *находится перед альтернативой.* Либо полиэтничный состав столичного населения, увеличиваясь, приведет к росту сепаратизации, этнической нестабильности и конфликтам, либо, напротив, этноинтегрирующие факторы будут столь активны и действенны, что усилят межнациональную идентификацию, а в перспективе стимулируют интеграцию столичного населения.

Естественно, тот или иной оборот этносоциальных процессов в столице во многом будет влиять на этногосударственную ситуацию. Отсюда особая значимость этих процессов в столичном мегаполисе и особый интерес к ним. Эта тема затрагивается в специальных работах В.Н. Иванова, И.В. Ладодо, М.М. Назарова по национальным проблемам [6]. Но в них не ставится задача выделения для конкретного социологического изучения отдельных этногрупп московского населения, что необходимо в этносоциологических исследованиях. В литературе есть близкие к этому профилю иссле-

давания по другим регионам [7]. Прямо отвечает этносоциологическим целям работа О. Вендиной [8], посвященная этническим группам Москвы. В ней показано контрастное расселение этногрупп в столице и изменения в этих процессах. Весьма ценен вывод который я полностью разделяю, о том, что "миграционный поток в Москве сильно поляризован". Но этот поток дифференцирован не только по социальным признакам, что автор имеет в виду, но и по существенному "внутриэтническому" разделению, фиксируемому весьма заметными различиями формально единых этногрупп, совершенно по-разному приобщенных к столичной среде. Идентификация с элементами интеграции разных мигрантов в московской среде требует особого внимания и специального исследования.

Для конкретного анализа поставленной проблемы принципиально важно рассматривать выделенные этногруппы столицы не в целом, а с учетом включенности их в столичную среду. При этом в пределах каждой этногруппы могут возникнуть отличные друг от друга субъекты, подразделения, что в конечном счете и поставит под вопрос вообще целесообразность выделения этнообразований без учета их этнической структуры, не исключаяющей их глубокую внутреннюю дифференциацию. Столичные этногруппы, судя по нашим конкретным материалам, лишь формально могут принадлежать к одному этносу. То, что они внутренне сильно дифференцированы социально, это уже давно хорошо известно, так как социально-структурная дифференциация очевидна теперь почти для каждого. И никто не будет смешивать социально воедино, допустим, рабочих, творческую интеллигенцию и "криминальных авторитетов", принадлежащих к одному этносу. Но внутриэтническая дифференциация по *социально-этническим признакам* не менее существенна, чем социальная, а проблема эта практически не поднималась и, естественно, далеко еще не осмыслена. Принято считать, что родина у человека там, где "могила его предков" [9]. Но при общей этничности и даже "одной родине" реально может быть совсем разная интенсивность выражения этнических черт. Огромную роль в этом играет не столько "география" происхождения, сколько социально-этнический облик человека.

Много лет назад, когда миграция людей разных национальностей в столицу диктовалась, в первую очередь, стремлением к собственному социальному росту, мигрировали и утверждались в Москве, прежде всего, активные, социально насыщенные этногруппы, которые быстро адаптировались к новой столичной среде. Они, по существу, создавали здесь полиэтничное ядро, органически вписанное в столичный социум - общность москвичей. Сейчас ситуация иная. Наряду со сходными динамичными группами, а может даже чаще, чем они, перемещаются из СНГ этнодифференцированные социально, экономически страдающие и ущемленные слои, испытывающие жизненные затруднения у себя и отнюдь не приспособленные к новой, тем более столичной среде. Таким образом, теперь достаточно очевидны группы, лишь формально принадлежащие к одному этносу, и поэтому их внутренние различия в облике и судьбах более заметны в московской среде. Естественно, меняется также с учетом этих и других сложностей "гостеприимство" москвичей к новым этномигрантам. Хотя для многих, в том числе для жителей Армении, сохраняется, как прежде, безвизовый режим, перемещения в Россию из стран СНГ в соответствии с правовыми положениями относительно затруднены. Мигранты должны регистрировать срок своего пребывания в столице в пределах 90 дней [10]. И хотя многих из группы новоприбывших "тянет обратно на родину, люди стремятся все же хотя бы пока закрепиться в России, т.к. дома тяжело жить" [11]. Но и в Москве им совсем непросто. Наряду с общей атмосферой столицы, где для многих москвичей "нет понятия национальности" [12], и здесь, однако, набирают силу воинствующие шовинистические организации, группировки типа скинхедов и их хозяев, которые, выступая якобы за государственную нацию русских [13], не останавливаются перед бесчинствами агрессивного национализма, побоищами и даже кровопролитиями [14].

Для защиты интересов инациональных групп в России создано множество институтов, среди которых на наиболее массовые функции и права претендуют националь-

но-культурные автономии. Но они, несмотря на их иногда неограниченные претензии представлять свою нацию чуть ли не в масштабах российского государства, а в иных случаях и шире, не достигают сколько-нибудь реальных целей. В Москве в группах национальных меньшинств, как показывают наши опросы, мало кто знает об этих общественных организациях, а тем более обращается к ним за помощью. При ответе на вопрос "Имеете ли Вы хоть какие-нибудь контакты с этими организациями?" - положительно ответили 13% армян и до 21% азербайджанцев, недавно прибывших из "своей" республики. А главное, национально-культурные организации подчас односторонне понимают наболевшие задачи национальных отношений и вместо того, чтобы воспитывать взаимное уважение народов, больше заняты самовосхвалением культуры и заслуг "собственных" этносов. Такой культ самосознания нередко бывает не на пользу, а в ущерб сотрудничеству народов. Гораздо полезнее было бы воспитывать взаимное уважение конфликтующих народов, чтобы создать почву для их взаимопонимания.

Но вопреки слепой, а иногда и вредной национальной идеологии в республиках-государствах, объективные процессы в столичном мегаполисе в значительной мере порой сами по себе могут вести и частично ведут к взаимопониманию контактирующих этногрупп. Причем это происходит даже когда у "родных истоков" эти группы жили и живут отнюдь не в согласии и, как, например, армяне и азербайджанцы, настроенные печальным прошлым и безответственной пропагандой, теоретически могут чуть ли не враждовать друг с другом. В какой-то мере эти отношения нейтрализуются в российской среде, в том числе в Москве, где по проблеме "Социально-этническое развитие московского мегаполиса" нами проведено специальное исследование в 2000-2004 гг.

Выборка распределялась не в целом по московскому населению, так как это требовало огромного массива, чтобы получить статистически представительные данные по выделенным этногруппам. Даже при значительном выборочном массиве (у О. Вендиной было опрошено 3 500 москвичей) все нерусское население в выборке составило бы примерно 500 человек, разделение которого по этногруппам для обследования уже теряло смысл. Для статистически достаточного массива по каждой исследуемой этногруппе (до 500-700 человек), необходима была квотная выборка. Весьма непросто найти способы определения таких квот. В нашем исследовании для этой цели использовались два источника - телефонный опрос и интервью, условно говоря, в "этнолокальностях" ("этноцентрах") города. В Москве почти все население телефонизировано, поэтому для выделения уже утвердившихся в столице этногрупп москвичей был достаточен этот источник. Такой способ стал возможным, так как принадлежность к искомым национальностям - азербайджанцам и армянам - достаточно четко фиксируется фамилиями. Выделив по каждому этносу 5-7 тысяч фамилий, мы с определенным интервалом определяли основной и дополнительный массив для опроса. Телефонный опрос интервьюируемых осуществлялся преимущественно лицами их же национальностей, что обеспечивало более доверительное отношение в контактах с респондентами. Набор вопросов был сравнительно небольшой (до 45), но достаточно информативный. Группа интервьюируемых, т.е. имеющих телефон на собственную фамилию, условно названная нами группой "москвичей", была недостаточна, чтобы отразить "этнофоров" - тех, кто прибыл сравнительно недавно в Москву и не обрел своей жилплощади (и телефона). Для выделения этих контрастных "москвичам" групп, часто недостаточно владевших русским языком, для их опроса использовались места концентрации данной категории населения. Важным источником для информации по этим группам были национальные средние школы, где опрашивались родители учащихся. В отличие от телефонной выборки этот источник не мог претендовать на статистическую представительность, но выделенные для опроса квоты в пределах 250-300 человек по каждой исследуемой национальности давали достаточный материал для отражения облика новоприбывших, что практически невозможно было получить путем статистически

представительной выборки. Сравнение телефонизированных, условно говоря "москвичей" с "этнофорами", в большинстве своем новоприбывшими, позволял выявить в каждой этногруппе полярные образования и оценить дистанцию в процессе ее адаптации выделенных групп населения к московской среде. Этот материал и лёг в основу предлагаемого исследования. Данный метод, примененный мной не впервые, уже давал возможность оценить его результативность по другим массивам информации - в Узбекистане и Эстонии [15].

На данном этапе, публикуя итоги нашего исследования, ограничимся сравнением двух названных конфликтующих у себя на родине этносов - *армян и азербайджанцев*. Именно их сравнение в столичном мегаполисе с достаточным основанием дает возможность судить о богатом потенциале этносотрудничества и единения, которые еще далеко не используются в должной мере. Результаты подобных сравнений свидетельствуют о значительной *межэтнической идентификации*, которая проявляется в столичной среде. Разумеется, все, что здесь говорится, отражает общие тенденции так как само понятие межэтнической идентификации весьма сложное, ибо связано с довольно длительным процессом, в котором люди одного этноса занимают весьма разные позиции, отражающие их эволюцию от разобщения до глубокой межэтнической идентификации, по большому счету направленной в перспективе к интеграции типа "плавильного котла". И хотя массивы азербайджанцев и армян, опрошенных нам] в Москве, не столь значительны, они тем не менее отражают в общих чертах разные типы межэтнической идентификации, включая формы полной интеграции этих первично в собственной среде заметно разобщенных этносов. Условно исследуемые армяно-азербайджанские группы обозначим терминами 1) "старожилов" - те, кто в наибольшей мере выражает интеграционные черты, и 2) "новоприбывшие" - находящиеся как бы в начале этих процессов. Из того, что мы говорили при теоретической постановке вопроса, совершенно очевидно, что эмпирический материал наш, если предположения были верны, должен показать значительную общность старожилов независимо от национальности, и их существенное отличие при сравнении с новоприбывшими "сородичами". Выделенные группы весьма специфичны и по своему объективному положению. Среди новоприбывших определенное число находится в статусе беженцев, некоторые вообще живут без регистрации, многие не имеют своей жил площади и не могут найти себе работу [16]. Понятно, что старожилов контрастны этой категории по положению и образу жизни, что отражается на их характеристиках и иллюстрируется исследованием.

При сравнении совокупных этногрупп старожилов-москвичей и новоприбывших обнаруживается большая разница по всем фиксируемым индикаторам, связанным с образованием и социальным статусом. Среди армян-москвичей $\frac{2}{3}$ имеют высшее образование, у новоприбывших таких не более $\frac{1}{3}$; примерно такой же разрыв в образовании наблюдается и у азербайджанцев: среди "москвичей" их почти половина (47%), среди новоприбывших - $\frac{1}{4}$. Соответственно "москвичи" и новоприбывшие и армяне, и азербайджанцы - занимают разное социальное положение. Чуть ли не половина новоприбывших 47-48%, (как армян, так и азербайджанцев), почти одинаково заняты в торговле и сфере обслуживания. А "москвичи" - и те, и другие - в больших пропорциях сконцентрированы в науке, здравоохранении, воспитании культуры, т.е. тех занятиях, которыми их "соплеменники-немосквичи" занимаются в 2-3 раза реже. Соответственно очень глубокая разница во всех сферах культуры не между национальностями, а названными социальными группами. Как бы интегрирующий индикатор здесь - язык. Практически все москвичи-старожиловы - как армяне так и азербайджанцы - в совершенстве владеют русским языком, Новоприбывшие в этом отношении - контрастная группа. Чуть ли не треть их, живя в Москве, плохо знает русский язык, что, естественно, реально отражается на их социальной структуре. Так, у москвичей-старожилов - и армян, и азербайджанцев - самая многочисленная прослойка - это интеллигенция: соответственно 57 и 51%. Эта категория у новоприбывших - в меньшинстве. Не будет преувеличением сказать, что у москвичей-старо-

жилов (и азербайджанцев, и армян) безусловно доминирует российская культура, что во многом определяет их образ жизни, тогда как сравнительно недавно приехавшие "по бедности", а не по социально-культурной потребности их "соплеменники" преимущественно живут своей прежней жизнью, оставаясь в массе верными традиционным нормам культуры. Самый выразительный индикатор в этом плане - не просто и не только использование русского языка, о чем упоминалось, а сама оценка его знания. Притом, что им, по самооценке, отлично владеют почти все старожилы-армяне (95%) и больше половины азербайджанцев этой категории (см. табл. 2А), многие из них (армян больше половины) считают его даже родным языком (см. табл. 2Б). В полярных же группах новоприбывших чисто русскоязычных ни у армян, ни у азербайджанцев практически нет. До 1/3 в этих группах у обеих национальностей весьма посредственно и даже плохо знают русский язык (см. табл. 2В). Самая контрастная по сравнению с новоприбывшими (как у армян, так и азербайджанцев) группа - уроженцы Москвы. Их среди армян 25%, больше, чем среди азербайджанцев, у которых перемещения в целом в столицу полнее совпали с острыми постперестроечными переменами. Вся эта система данных четко говорит о том, что этнические группы столицы дифференцированы не столько по национальной принадлежности - армянин или азербайджанец, сколько по мере приобщения к столичной, в данном случае языковой, культуре. Существенный фактор в освоении языка - это детское воспитание и затем время пребывания в России. Если сравнивать по поколениям "родителей" и "детей", то становится более очевидным, что у детей, особенно армян-москвичей, основным языком в столице - русский (табл. 2Г).

Совершенно очевидно, что язык - один из самых существенных индикаторов идентификации культуры, что органически связано со многими другими проявлениями образа жизни и даже межнациональных отношений. Следует в то же время иметь в виду, что здесь действует отнюдь не прямая причинно-следственная связь. Знание языка не претендует на полную межнациональную идентификацию, но является важным и необходимым симптомом возможности и реальности этого. Понятно, что язык, являясь средством, значительно облегчающим адаптацию инонациональных групп к столичной среде, играет роль в выборе работы, жизнедеятельности и сказывается на интенсивности межнациональных отношений.

Межэтническая идентификация армян и азербайджанцев выходит за пределы культуры. Она сказывается на разных проявлениях духовной жизни. Довольно образно это проявляется в сознании родины. Данные нашего исследования вновь свидетельствуют, что этническая дифференциация здесь существеннее не по формальной национальной принадлежности, а по культурной адаптации, в данном случае к столичной среде. И армяне, и азербайджанцы, которые оценивают Россию и СССР как родину, ближе к российской культуре и принадлежат к идентифицирующимся в рамках российской культуры группам. Для большинства старожил родина - Россия или Союз ССР (см. табл. 3). Для "этнофоров" - и армян, и азербайджанцев - родина - это, прежде всего, "своя" республика (60-80%).

Иначе говоря, межнациональное сходство армян и азербайджанцев-москвичей в этом случае, как и в некоторых других, оказывается существеннее, чем внутриэтническое.

В чем сходятся армяно-азербайджанские москвичи-старожилы и "новоприбывшие" этнофоры - это в оценке прошлого. При всех различиях в социально-культурных характеристиках и принципиальных политических установках, связанных с судьбами своих государств, у всех групп - и армян, и азербайджанцев - здесь нет принципиальных расхождений. И те, и другие абсолютно убеждены в преимуществах для них ситуации, которая доминировала в условиях Союза ССР. Соответственно выражаются ориентации на "возрождение" СССР, Несмотря на то, что это теперь фактически нереально, азербайджанцы еще больше, чем армяне, вопреки идеологии своих властных групп в республиках-государствах, устойчиво ориентированы на "возрождение Союза" (см. табл. 4). Весьма характерно, судя по приведенным данным,

Языковая культура армян и азербайджанцев
(% к числу опрошенных)

А. Язык свободного владения				
Каким языком свободно владеют	"Москвичи-старожилы"		"Новоприбывшие этнофоры"	
	армяне	азербайджанцы	армяне	азербайджанцы
Языком своей	5	15	65	61
Русским	63	32	5	1
Обоими языками	32	53	30	38
Б. Родной язык				
Какой язык считают родным	"Москвичи-старожилы"		"Новоприбывшие этнофоры"	
	армяне	азербайджанцы	армяне	азербайджанцы
Язык своей национальности	29	71	92	92
Русский	56	24	3	0
Затрудняются ответить	16	5	5	8
В. Владение русским языком				
Степень владения	"Москвичи-старожилы"		"Новоприбывшие этнофоры"	
	армяне	азербайджанцы	армяне	азербайджанцы
Совершенно свободно	95	54	26	31
Достаточно свободно	5	40	47	39
Испытывают затруднения	0	6		
Плохо	0	0	27	30
Не владеют	0	0		
Г. Владение "своим" языком по поколениям москвичей				
Степень владения	Отцы		Дети	
	армяне	азербайджанцы	армяне	азербайджанцы
Очень хорошо	48	62	10	33
Хорошо	10	20	13	15
Посредственно	15	10	13	16
Плохо	6	5	9	11
Не владеют	21	3	61	24

что расхождения в этом кардинальном вопросе между москвичами и новоприбывшими нет. Это косвенно подтверждает, что происшедший после развала Союза социально-политический переворот в судьбах людей по существу шел вразрез с глубинными ориентациями народов СНГ.

Сказанное подтверждается также ответами респондентов о внутреннем самоощущении своего гражданства. Отвечая на вопрос «Кем себя больше чувствуете - россиянами, армянами (или азербайджанцами), европейцами или "гражданами мира"?», москвичи - и армяне, и азербайджанцы - в первую очередь самоопределялись как россияне. Частота российских выборов увеличивалась по мере "коренизации" этих групп в столице, пропорционально времени проживания в Москве. У относительно новоприбывших преобладали выборы собственной национальной принадлежности, у остальных - "российские"; европейский и международный образ довольно одинаков по группам и не зависел от времени пребывания в Москве (см. табл. 5).

Таблица 3

Представление о Родине				
Родина	"Москвичи" -старожилы		"Новоприбывшие" этнофоры	
	армяне	азербайджанцы	армяне	азербайджанцы
"Своя" республика	32	40	81	63
Россия или СССР	66	45	15	23
Затрудняюсь	8	15	4	14

Таблица 4

"Хотели ли бы Вы возрождения Союза ССР?"				
Ответы	"Москвичи" -старожилы		"Новоприбывшие" –этнофоры	
	армяне	азербайджанцы	армяне	азербайджанцы
Да	55	50	52	70
Нет	32	23	18	6
Итого	+23	+37	+34	+64

Примечание, Исключены респонденты, затруднившиеся дать ответ.

Таблица 5

Категории респондентов	Кем себя больше чувствуют армяне и азербайджанцы ("москвичи"), в %		
	Россиянами	Армянами (или соответственно азербайджанцами)	Европейцами, "гражданами мира"
	Армяне-москвичи		
Все опрошенные	44	32	22
В т.ч. живущие в Москве			
до 10 лет,	25	56	24
до 10-19 лет,	38	33	22
до 20 лет и более, уроженцы	45	26	26
	Азербайджанцы -москвичи		
Все опрошенные	32	27	22
В т.ч. живущие в Москве			
до 10 лет,	16	41	27
до 10-19 лет.	24	37	19
до 20 и более уроженцы	39	25	22
	49	15	27

Процесс межэтнической идентификации (в перспективе - процесс интегральный) имеет множество проявлений в общественном и личном плане. В интимной сфере у москвичей-старожилов - и армян, и азербайджанцев - он образно выражается и в дружеских контактах и особенно ярко в национально-смешанных браках.

В "интимных" контактах у "москвичей", как армян, так и азербайджанцев, во многих случаях не просто представлены, но и преобладают люди других национальностей, преимущественно русские. У армян-москвичей, имеющих близких друзей, больше половины их (53%) - русские и затем уже сами армяне (31%), вслед за ними люди Других национальностей (16%). Такое же распределение у азербайджанцев-москвичей, подавляющее большинство их связаны дружескими контактами с русскими (40%),

Близкие друзья у армян и азербайджанцев ("москвичей"), в %

Категории респондентов	Русские	Люди "своей" национальности	Другие национальности
	У армян		
Все опрошенные	53	31	16
В т.ч. живущие в			
до 19 лет	30	55	15
20 лет и больше	55	28	17
уроженцы	67	17	16
	У азербайджанцев		
Все опрошенные	40	37	23
В т.ч. живущие в			
до 19 лет	27	51	22
20 лет и больше	40	34	26
уроженцы	55	18	27

затем азербайджанцами (37%) и потом с другими национальностями - 23%. Преобладание русских в дружеских связях и у армян, и у азербайджанцев происходит по мере их коренизации в Москве (см. табл. 6). У новоприбывших преобладают связи с людьми своей национальности, а у проживающих здесь 10 и более лет дружеские отношения с русскими бывают уже так часты, как с людьми "своей" национальности, а у старожилов и тем более уроженцев в 2-3 раза и более преобладают близкие друзья среди русских.

Особенно выразительна межнациональная идентификация, а по существу, пожалуй, интеграция у москвичей - армян, затем у азербайджанцев проявляется в национально-смешанных браках. Они у семейных армян этой группы даже преобладают (56%), у азербайджанцев-москвичей цифра также значительна - почти 1/3 всех браков (30%). В такие браки у армян и азербайджанцев чаще вступают мужчины, а их дети обычно принимают отцовские фамилии ($3/4$ случаев). Но уже довольно заметная часть взрослых детей принимают и другие национальности, чаще всего называют себя русскими.

Но и в том случае, когда дети сохраняют родительскую, обычно отцовскую национальность, они, находясь в Москве, в подавляющем большинстве случаев отнюдь не наследуют "фамильную культуру". Лучше всего это отражается родственными связями и таким интегральным индикатором культуры, как язык. Примерно $3/4$ детей - как армян, так и азербайджанцев - сохраняют формально свою национальность, но при этом в большинстве своем уже не знают "своего" языка.

Процесс включения и армян, и азербайджанцев в московскую культурную среду в принципе сходен, и он неизбежно приводит их к одним и тем же результатам. И те, и другие становятся, прежде всего, столичными жителями, и собственная этническая атрибутика у них неизбежно вытесняется. Как показывают данные (см. табл. 2Г), среди москвичей уже 2/3 детей армян и $1/4$ - азербайджанцев вообще не знают "своих" языков. И как следствие перемены среды и образа жизни - возвращаться на родину родителей они не собираются.

Суммарные оценки своей новой жизни у москвичей - армян и азербайджанцев - и новоприбывших этнофоров принципиально расходятся. Например, азербайджанцы-москвичи, хотя они несколько меньше, чем армяне, адаптированы к московской среде, не собираются покинуть столицу. На вопрос "Как Вы оцениваете свою жизнь?" большинство (54%) азербайджанцев-москвичей отвечают: "Все не так плохо

и можно жить", и очень немногие (4%) отрицательно оценивают свое положение, остальные дают нейтральные ответы ("жить трудно, но можно терпеть"). В отличие от "москвичей" новоприбывшие азербайджанцы, многие из которых, как уже говорилось, ощущают трудности с языком, в подавляющем большинстве чувствуют себя и в Москве неуютно. Оценки азербайджанцев своей московской жизни говорят о том, что они недостаточно приспособлены к ней и принципиально расходятся с почти интегрированной группой их московских соотечественников. На вопрос "Становится ли Ваша жизнь лучше с течением времени?" эти две группы - "москвичи" и "новоприбывшие" - отвечают совершенно по-разному. Для подавляющего большинства "москвичей" жизнь становится лучше (на 36% преобладают у них положительные ответы). Совсем по-другому отвечают плохо адаптированные к московской жизни их соотечественники, в подавляющем большинстве прибывшие недавно в Москву из-за плохой ситуации на родине. У них доминируют отрицательные оценки жизни, для подавляющего большинства жизнь "становится хуже". У армян в принципе так же, как у азербайджанцев, распределены ответы: у москвичей преобладают положительные оценки. У "москвичей" - и армян, и азербайджанцев - независимо от этнической принадлежности проживание в Москве диктуется собственной волей, в отличие от новоприбывших этнофоров, уезжать отсюда они не собираются. Этнической ущемленности они здесь не ощущают. И у них нет выраженных этнических потребностей, чем они существенно отличаются от новоприбывших этнофоров.

Это объективная ситуация, связанная с положением традиционной этнической культуры в московской среде. Конечно, приходится сожалеть, что те или иные виды сугубо этнической культуры не отвечают потребностям столичной среды. Сохранять этнокультуру можно и даже должно, но она при реальном потенциале оценивается людьми объективно и не нуждается в искусственных стимулах. Любую культуру, даже наших палеонтологических предков, надо сохранять, но не надо смешивать музейные ценности с жизненными. Жизненно устойчивые без искусственных механизмов сами сохраняются и обогащаются безграничным арсеналом мировой культуры, Конечно, арсенал господствующий сейчас, в основном европейской, культуры при всей своей масштабности также ограничен, и надо заботиться о расширении его границ. Но это преимущественно процесс объективный, поэтому "стимулы" здесь не должны носить искусственный и тем более принудительный характер. Можно сожалеть, что те или иные виды сугубо этнической культуры не отвечают современным потребностям и нормам, но их надо сохранять в тех проявлениях и границах, которые соответствуют среде и времени. Если ценности объективно значимы, им не уйти в преисподнюю. Об этом убедительно свидетельствует классическое искусство (Древней Греции или Рима). Хотя современные нормы далеко ушли за границы прошлого, классика во многом сохраняет свою значимость и ценность,

"Новомигранты" с арсеналом традиционной культуры могут чувствовать себя неуютно в московской непривычной для них ситуации. Они в большинстве своем здесь оказываются не по собственному выбору, а по необходимости, вытесненные из своих мест тяжелой ситуацией на родине. Немало среди них, как уже говорилось, даже тех, кто неважно знает русский язык, без которого в России, естественно, исключительно трудно и реально невозможно выполнять активные роли. Их дети даже порой учатся здесь в своих национальных школах. Когда спрашивали об этих школах москвичей нерусских национальностей, они, как правило, признают их необходимость. Так считают до 70-80% московских старожилов - армян и азербайджанцев, но отдать своих детей туда они в большинстве своем не хотят. В эти школы идут те, кто недостаточно хорошо владеет русским языком и отличается от москвичей-соплеменников общими национальными ориентациями. Такие различия между москвичами и находящимися в Москве по критической необходимости отражаются в ориентации на родину. Вторые, в отличие от москвичей, не просто считают родиной свою республику. Они в значительной части своей хотят вернуться туда, как только представится возможность. Они и сейчас стараются иметь связи с родной республикой и даже, несмотря на

Значимые признаки связи (в коэффициентах Райского) между информацией о языке свободного владения и системой социально-культурных характеристик "москвичей"

Социально-культурные характеристики	Азербайджанцы	Армяне
Знание "своего" языка	.224	.161
Родной язык	.100	.140
Национальность родителей	.075	.035
Социально-профессиональная структура	.059	.008
Занятость	.044	.013
Знание "своего" языка детьми	.048	.065
Национальность детей	.045	.025
Частота поездок в "свою" республику	.041	.049
Возраст	.040	.007
Образование	.030	.013

Примечание. Коэффициенты Райского, фиксирующие связь между языком свободного владения и названными социально-культурными признаками, рассчитывались по формуле: $R(AB) = J(AB)/H(AB)$, где $J(AB)$ - количество информации, содержащееся в признаке А относительно признака В, $H(AB)$ - совместная энтропия признаков А и В.

материальные сложности, довольно часто ездят туда, тогда как москвичи - армяне и азербайджанцы - редко, а то и вообще не делают этого. Так, $2/3$ армян-москвичей никогда не были в Армении. Среди азербайджанцев, которые позже стали заселять Москву, людей, совсем не связанных с Азербайджаном, меньше — до $1/4$ - Однако и у азербайджанцев, чем дольше они живут в Москве, тем слабее их связь с отчим домом. Данные подтверждают неприкаянность в столице многих новоприбывших армян и азербайджанцев. Они чувствуют себя чужаками в силу этнических причин и в значительной части своей рвутся домой. Среди армян стремятся переехать на родину до $1/3$, у азербайджанцев больше - до $2/3$, что выглядит весьма контрастно по сравнению с ориентациями людей тех же национальностей, но москвичей. Это лишний раз говорит о неприемлемости трактовки этноса как единого понятия, принадлежащей по существу прошлому.

Сделанный сравнительный анализ москвичей - армян и азербайджанцев говорит о принципиальном их сходстве и в то же время некоторых различиях в приобщенности к столичной жизни. В этом плане между ними вероятно дистанция в "одно" поколение. Примерно через 15-20 лет, надо полагать, эта дистанция будет преодолена. О степени различий можно судить по статистическим материалам, интегрирующим индикаторам системы социально-культурных характеристик выделенных этногрупп [17] (см. табл. 7).

Данные говорят о достаточно малой у армян по сравнению с азербайджанцами зависимости между знанием языков и рядом фиксированных признаков - национальность родителей, национальность детей, социально-профессиональная структура, возраст, образование. Это означает, что по системе выделенных здесь индикаторов москвичи-армяне в большей мере, чем азербайджанцы, выравнены между собой, что связано, в частности, с их относительно длительным пребыванием в Москве и приобщением к столичной жизни, унифицировавшей названные характеристики.

Что день грядущий нам готовит? В общих чертах - дальнейший *рост межэтнической идентификации* этнического столичного населения с очевидными симптомами *последующей интеграции*. Это так, хотя в облике этнических групп в столице очевидны внутригрупповые этнические различия, которые делают затруднительной пока такую целостную интеграцию. Тормозящую роль тут играют консервативные

группы - как армянские, так и азербайджанские, связанные, а иногда лидирующие благодаря заметному теперь их представительству в столичной среде, прежде всего, среди групп мигрантов-этнофоров, относительно плохо адаптированных к этой среде. Их слабая идентификация с московским населением (в отличие от групп их же национальностей, но хорошо адаптированных) достаточно полно отражается не только в социально-культурной сфере, но и в политической. Образны данные, например, о довольно разных установках армян-москвичей и новоприбывших на особо актуальные для Армении международные проблемы. В большинстве своем новоприбывшие армяне в отличие от "старожилов" весьма сдержанно относятся к нормализации отношений Армении с Турцией и Азербайджаном [18]. Подобные установки играют тормозящую роль в интеграционных межэтнических процессах.

Консервативные и реакционные силы действуют не только у названных исследуемых народов, но также у русских, к примеру, в националистических образованиях типа "Русского национального единства", национал-коммунистов или скинхедов. Между русскими националистами и столичными инонациональными старожилами-москвичами сейчас формально нет конфликтных отношений. Чужаками со стороны консервативной части русского населения воспринимаются больше новоприбывшие. Тем более, что люди получают информацию о криминальной деятельности этих групп. В печати даже сообщалось, что до половины всех преступлений в Москве совершаются людьми нерусских национальностей, хотя их здесь во много раз меньше, чем русских. Так это или нет на самом деле, сказать трудно. Но стоит ли распространять как массовую информацию такого рода? Надо иметь в виду, что многое в национальных отношениях зависит от их регулирования московской властью. Вряд ли вообще верен национальный критерий для разделения общества, даже когда он, на первый взгляд, продиктован заботой о национальных отношениях. Дифференцировать, а тем более локализовать людей по национальности в столицах крайне опасно, тем более что такая тенденция может со временем дать о себе знать и в сферах деятельности и, что еще хуже, в территориальных московских образованиях. Потенциально это может породить угрозу внутри столичной этнической классификации и сепаратизации, что потенциально таит угрозу межнациональных конфликтов.

На наш взгляд, права исследователь национальных проблем в Москве С.А. Пестрякова, когда пишет о целесообразности использования "даже административных мер, препятствующих компактному расселению жителей Москвы по этническому признаку" [19]. Этнические группы не должны иметь в столице "своей" границы и возможностей территориально противостоять друг другу. В принципе в связи с этим надо менять и направленность деятельности создаваемых сейчас в Москве национально-культурных автономий. Они не должны сводить свою работу к информации о жизни и интересах только "своих" этносов, тем более стремиться к их внутренней консолидации. Судя по их печати, такая консолидация нередко достигается ценой противостояния якобы "своим" этническим оппонентам или даже врагам. Цели должны быть другие. Вооруженные конфликты между этносами, допустим армяно-азербайджанская война, должны подвергаться осуждению. "Главная задача, - как справедливо подчеркивала С.А. Пестрякова, руководствуясь интересами российского центра, - должна быть воспитание взаимопонимания народов" [19, с. 59]. И это, разумеется, в первую очередь относится к конфликтующим этноцентрам, возможно, в первую очередь армяно-азербайджанским. Курс национальной политики этнических образований в столице должен быть подчинен не эгоистичным интересам этносов и их противостоянию, а *социально-культурному взаимодействию, общественному взаимопониманию, доминанте в конечном счете общих гражданских интересов, гражданскому единению*, для чего практически достаточно созрел столичный мегаполис. Что касается национально-культурных столичных центров, то они, чтобы оправдать свое назначение, должны культивировать не сепаратные этнические интересы, а их межэтническое единение и гражданскую общность. Это тем более необходимо, когда речь идет о конфликтовавших государствах СНГ.

Не государственный сепаратизм должен выражаться в общественных этнообразованиях, а напротив, гражданская общность, в столичном центре тем более дожд, стимулироваться гражданское взаимопонимание и социально-культурное единение. И те посылки к этому, которые очевидны в московском мегаполисе, должны углубляться, по возможности выходить за свои локальные границы и влиять на национальные отношения в больших, в конечном счете, межгосударственных, во всяком случае межнациональных масштабах. Совершенно очевидно: чтобы социальная система была эффективной, она должна подчиняться не культу этносов и силы, а требованиям подлинной демократии, механизмом которой, если говорить о постсоветском обществе ни одна из стран СНГ еще реально не овладела. Безусловно прав М.Н. Губогло, утверждая, что этническая общность не может быть самоцелью, "народы должны быть ориентированы на интеграцию людей различных национальностей в единое согражданство" [20]. Подлинное единое гражданство - основа решения этноконфликтных проблем. В московском мегаполисе при всей остроте национальных отношений для этого есть свои основания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В. Армяне-москвичи. Социальный портрет (по материалам этносоциологического исследования) // Советская этнография. 1991. № 2. С. 5; *Его же*. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социол. исслед. 2001. № 11. С. 13.
2. *Логаишова Б.Р.* Москва. Изд. 2-е. М., 2003. С. 97, 184, 188,
3. Ноев ковчег. Декабрь 2003 г. С, 4.
4. Миграция и урбанизация. Под ред. *Ж.А. Зайончковской*. М., 1999. С. 302.
5. Арутюнян Ю.В. К вопросу о развитии наций в "своей" и "инонациональной" среде / Этнос в своей и инонациональной среде. Материалы советско-американского симпозиума. 1987. Москва-Ереван. 1989. С. 14-15; *Его же*. [1, с. 3].
6. См.: *Иванов В.Н.* и др. Москва и москвичи. Актуальные проблемы социально-культурной сферы. М., 2000.
7. *Лурье С.* Этническая самоидентификация в условиях кризиса "материнского" этноса. Опыт армянской общины в Санкт-Петербурге / Этнический национализм и государстве М., 2001; *Покровский В.* Феномен этнических диаспор. М., 2003.
8. *Вендина О.* Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы // Вестник общественной мнения. 2004. № 3 (71), май-июнь. С. 58.
9. Азерос. Май 2004. С. 6.
10. Ноев ковчег. Февраль 2003 г. С. 3.
11. Азерос. Май 2003 г. С. 6.
12. Ноев ковчег. Август 2002 г. С. 10,
13. Азерос. Март 2004 г. С. 7,
14. Ноев ковчег. Август 2002 г. С. 10; Азерос. Май 2004 г. С. 20-21
15. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. М, 2003. С. 63, 99, 102
16. *Устюгов Б.* Московские чиновники научились устраивать погромы // Известия. 26 июля 2004 г.
17. Арутюнян Ю.В., *Дробижеева Л.М., Кондратьев В.Н., Сусоколов А.Л.* Этносоциология цели, методы и некоторые результаты. М, 1984. С. 124-172; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. Автор программы и руководитель исследования Ю.В. Арутюнян. М., 1980. С. 151-168.
18. Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве // Социол. исслед. 2001. № 11
19. *Пестрякова С.А.* Национальные отношения в Москве: опыт и проблемы, политика нравственного регулирования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2001. С. 253.
20. *Губогло М.* Идентификация идентичности. Этносоциологический очерк. М.: Наука. 2003. С.712.